I
Помянул господне имя
В слове песенном мествире.
Ниспошли Арсену, боже,
Доброй славы в этом мире!
Скатерть стлал он по дорогам,
С бедняком сидел на пире,
По горам семь лет скитался,
По степной кружился шири.
На семнадцатую весну
Ус его пробился черный.
Сел на лурджу наш Арсена,
Гарцевал, скакал проворно.
Князь Заал Бараташвили
Очень сильно рассердился,
Что Арсен Одзелашвили
В девку барскую влюбился.
"Выдай девушку, батоно!
Дам я выкуп!" Да куда там…
Скрылся из дому Арсена,
Князю стал врагом заклятым.
"Эй, Арсена! Ты в уме ли?
Чертов сын! Господь с тобою!
Ты же был моим примерным,
Верным, преданным слугою!.. "
"Я двенадцать дам туманов,
Лишь отдай ее мне, княже!"
Услыхал Заал надменный,
Не повел бровями даже:
"У меня таких Арсенов
Завалялось штук двенадцать!.. "
"Коль двенадцать завалялось,
Выходи со мною драться!"
Задрожал Заал от страха,
Видит — скверная оплошка,
Не успел убраться в двери,
А удрал через окошко.
Девушку увез Арсена,
Ускакал в Ахалцых с милой,
Платье бедное из ситца
На парчовое сменил ей.
Самоцветы подарил ей,
Дорогие украшенья.
Повернул потом к Заалу, —
Разорил его именье.
Чуть с ума Заал не спятил,
Стонет, плачет неутешно,
Губернатору в Тбилиси
Шлет он жалобу поспешно:
"… Разорен я парнем беглым,
Велики мои утраты.
У меня была служанка,
Он и ту увез, проклятый.
Он меня совсем погубит,
Помогите, защитите!
Изловить его, злодея,
Поскорее прикажите!"
Едут стражники верхами
За Арсеной в Триалети,
Не доехали до Коды —
Их он сам дорогой встретил:
"Драсти, знаком! Гагимарджос!" —
"Куда идешь, саиткена?" —
"Некогда болтать с тобою!
Едем мы ловить Арсена.
Не уйдет от нас бродяга.
Только б нам он подвернулся!.. "
Услыхал Арсена это
И лукаво усмехнулся.

Сбросил бурку. Для острастки
Из ружья пальнул сначала,
И гляди: в руке Арсены
Грозно сабля засверкала.
Он погнал их, как баранов,
Опозорил, обесславил
И до самого Телети
Их в покое не оставил,
Он — плашмя — стальною шашкой
Их по спинам взгрел отменно.
"Наш какой! — вдогонку крикнул. —
Это сам я — тот Арсена!"
Стражники примчались в город,
Врут начальнику безбожно:
"Нет, ваш-бродь, такого вора
Взять без пушки невозможно!
Он, как дэв, силен; железо
Разрывает он зубами.
А не верите — пойдите,
На него взгляните сами!
С маху всадника и лошадь
С ног сбивает он рукою.
Отнял он у нас винтовки
И стволы набил землею".
Обливается слезами
Князь Заал Бараташвили:
"Где охотники найдутся,
Чтоб Арсену изловили?
Так бы щедро заплатил я,
Как нигде им не платили!"
* * *
Торгашам у Алазани
От Арсена тошно стало.
Взял он адли у Хахама,
Хвать его по чем попало.
"Коль от честного адата
Раз отступите еще вы, —
Накормлю я вас свининой,
Помяните это слово!
Если ж это не поможет —
Отыскать я вас сумею,
И тогда — смотрите, плуты, —
Всем вам бороды побрею!
На конях — в хороших седлах
Зимней, вешнею порою
Вы торгуете по селам
Шерстью тонкой и парчою.
Продаете недомерки
Сироте, вдове убогой,
Надуваете невесту!
Не боитесь ли вы бога?"
Вырезал он из кизила
Палку пядей в семь длиною.
Отдал им, сказал: "Не смейте
Мерить мерою иною!
Если только я услышу
По селеньям, где я езжу,
Что убавили вы меру,
Всем вам горло перережу!"
"Как мы палкой несуразной
Шелк и сукна мерить будем?
Что ж, теперь из-за Арсены
Пропадать торговым людям?
Пусть товар сгниет на полках!
Что нам толку в ценах низких?"
"Мне на архалук отмерьте
Ради счастья ваших близких!"
За кусок десятку просят,
Что не стоил двух рублей им.

Тут он вовсе рассердился,
Надавал купцам по шеям
И забрал у них бесплатно
То сукно для архалука.
Говорит: "Слыхал я: деньги
Есть у вас в карманах… Ну-ка,
Вынимайте поскорее!
Деньги мне нужны в дорогу".
Совещаются торговцы:
"Отдадим уж… Ну их к богу!
Лишь бы только нам живыми
От бродяги отвязаться!"
Золотых ему туманов
Отдали монет пятнадцать.
Взял себе он пять туманов,
Десять отдал им обратно.
"Просвиру мы есть готовы,
И сукно давать бесплатно,
И креститься по-грузински,
И расстаться с бородою,
Только б ты отстал, Арсена,
И оставил нас в покое!"
Толстосум навстречу ехал
В дорогом своем наряде.
Говорит ему Арсена:
"Не пугайтесь, бога ради!
Куладжу свою снимите,
Не останетесь в накладе.
Вам в обмен отдам я чоху!"
В куладжу Арсен облекся,
Въехал в лес, коня стреножил,
Отдыхать в тени улегся.
Шлет приказы губернатор:
"Это что еще такое?
От какого-то Арсены
Вдруг не стало нам покоя!
Он один, а если тыща
Удальцов таких найдется,
Я боюсь, что здесь, в Тбилиси,
Очень туго нам придется.
Сто червонцев за поимку
По народу объявите!
Карантин в горах поставьте!
В Дагестан не упустите!
II
Прокляни, всевышний боже,
Бодбисхевца Парсадана!
Кумом был злодей Арсену,
Продал кума, как барана.
Парсадан с овечьим стадом
В Триалети подымался,
Там-то, близ Тапаравани,
Он с Арсеном повстречался.
"Низкий мой поклон Арсену!
Что к нам в гости не заходишь?"
"Да предашь! — Арсен ответил. —
Ты с начальством дружбу водишь!"
"Как предам тебя? Подумай!
Я тебе душой обязан!
Трех детей моих крестил ты,
И с тобой я миром связан!"
Клялся матерью-землею
И творящею десницей.
И Арсен подумал: "Миро
Осквернить он не решится".
В доме кумовом Арсена
Допьяна вином поили.
Снедью жареной, вареной
До отвала накормили.

Осовел совсем Арсена,
Сонно голову склонил он;
Снял с себя свое оружье
И куме его вручил он:
"Будет нужно мне оружье
Завтра утром спозаранку… "
Приготовили для гостя
И подушку и лежанку,
Сверху шкурами накрыли,
Чтоб спалось ему теплее…
Что ж не спится Парсадану?
Что за мысли у злодея?
Он подручных собирает,
Только ночь на мир спустилась,
Их на спящего двенадцать
Овцепасов навалилось.
Голову Арсен приподнял,
Сразу понял — злое дело.
"Это что за дрянь собачья
На меня во сне насела!"
Сбросил он с себя десяток,
Скулы им разбил в запале.
Да напали двое сзади,
Руки вмиг ему связали.
"Слушай, кум! Не изменяй мне!
Не бросай начальству в руки!
Лучше смерть мне, чем в неволе
Унижения и муки!
Предаешь меня, а завтра,
Может, что с тобой случится.
Помни: бог тебя накажет
И небесная царица!
По твоей вине мне будут
Цепи, муки и темница!
Двести дам тебе туманов
Здесь да триста в Гомаретах!"
А предатель молча думал:
"Буду сам при эполетах… "
На коня Арсен посажен,
Руки связаны и ноги.
Говорят: "Его не свяжешь —
Он уйдет от нас в дороге!"
Слезы льет Арсен печальный,
Привезли его в Тбилиси.
Парни стаей голубиной
Отовсюду собрались.
"Ки! Ки! Ки! Ведут — Арсена!" —
Говорят имеретины.
"Лав! Лаве!" — кричат армяне,
"Хорзе!" — вторят осетины.
Русские: "Очень хороший,
Ей-богу, маладец он!"
Девушки с балконов смотрят
И не могут наглядеться:
Говорят: "Завидна доля
Стать ему навек женою".
Старики же восклицают:
"Слава матери героя!"
Он веревкой толстой связан —
Тонкую бы разорвал он.
Обернулся к Парсадану
И свирепо зарычал он:
"Если я на волю вырвусь,
Как уйдешь ты от Арсена?
Перебью твоих баранов,
В поле хлеб сожгу и сено!
Как свинью, тебя зарежу,
Крест и миро не уважу!"
К губернаторскому дому

Подвела Арсена стража.
Вышел на балкон начальник,
На Арсена зорко глянул.
Зуботычин и пощечин
Надавал он Парсадану.
"Ты кого ловил, мерзавец?
За наградою погнался?
Он в лесу, беглец голодный,
За деревьями скрывался!"
И прогнали Парсадана,
Ничего ему не дали,
Пусть отцу его воздастся
За Арсеновы печали!
"Наградят, — предатель думал,
И чинами и деньгами!.. "
Наградили Парсадана
И толчками и пинками.
Очень был сердит начальник,
Но Арсена пожалел он:
"Экий парень был дородный,
Только очень похудел он…
О тебе я много слышал.
Что ж, Арсена, ты наделал?"
"Обо мне, начальник, ложно
Слава пущена дурная!
Правда: я бежал от горя
И скитался голодая,
Все, что взял я у богатых,
Роздал тем, кто обездолен…
В том вина моя. Судите,
Как хотите, ваша воля!"
Тут Арсена развязали,
В кандалы его забили
И в темнице Нарикала,
В одиночку посадили.
Семь недель, семь дней Арсену
В заточении держали,
Бороду наполовину
Перед ссылкой обкорнали.
Молвил: "Кто меня помянет,
Если я в Сибири сгину?
Горе матери-старушке!
На кого ее покину?"
Умоляет офицеров:
У меня одно желанье, —
Ради счастья ваших близких
Облегчите мне страданья.
Перед ссылкою далекой
Дайте мне помыться в бане!"
И солдаты со штыками
Повели Арсена в баню.
Лишь один целковый жалкий
У него лежал в кармане,
Достает он тот целковый
И ведет солдат к духану.
"Эй, солдатикам голодным
Дайте водки по стакану!"
Тут сарадж и микитаны
Знаки подали друг другу,
Сразу поняли, какую
Оказать ему услугу.
Вместо водки тем конвойным
Ром в стаканы наливают.
Так перепились солдаты,
Что друг друга не признают.
Вот Арсена входит в баню,
Открывает двери мыльни.
Микитан догнал Арсену
И сует ему напильник.

"Господи! — сказал Арсена, —
Это ключ мне — на свободу!"
Подошел он к водоему
И проворно прыгнул в воду.
Стал распиливать оковы.
Хмель солдат одолевает,
Говорят: "Должно быть, ноги
Кирпичом он натирает".
Распилил Арсен оковы,
Перегнул, сломал и снял их.
Чтобы цепи не бренчали,
Он в передник замотал их.
Бросил в угол. "Тьфу! — промолвил. —
Будь он проклят, кто ковал их!"
Тут начальник входит в баню,
Он шинель свою снимает,
По привычке офицерской
На балконе оставляет.
Наш Арсен из бани вышел,
Натянул шинель чужую:
"Если впору одежонка,
В ней покамест похожу я".
Сапоги он надевает,
Шапку с птицей надевает,
Как начальник, выдя за дверь,
Подбоченясь, он шагает,
Грозно глянул на конвойных:
"Хабарда" и "стараница"!
На "краул" взяла команда,
В страхе в сторону теснится.
Вот как спасся он удачно
От цепей, тюрьмы и плена!
Важно он на площадь вышел;
Разбирает смех Арсену.
Крикнул: "Эй! Подать мне дрожки,
На каких всегда я езжу!
Да живей ты! А иначе
Лошадей твоих зарежу!"
Мигом дрожки подлетели.
И на тройке черногривой
По таможенной дороге
Ускакал Арсен счастливый.
III
За горой Кумысской встретил
Парня с тещею Арсена
И сказал: "Ко мне, скитальцу,
Милость божья неизменна!"
Молвил теще он учтиво:
"Вы, о мать, меня простите!
Беглый узник я. Прошу вас —
Вы коня мне уступите,
Чтобы я в пути далеком
До смерти не истомился!"
Слыша это, зять старухин
За кинжал свой ухватился.
"Прочь! Проваливай отсюда!
Ты бесстыдно и безбожно
На дороге царской грабишь:
Тут ума лишиться можно!"
Поглядел Арсена зверем
И сказал ему угрюмо:
"Прежде чем я раз ударю —
О душе своей подумай!"
Скажем, много слов не тратя, —
Драка длилась миг единый.
Очень был силен Арсена,
Он подмял того детину.
Раза два его ударил
И едва не выбил душу.

Женщина тогда вскричала:
"Пощади, Арсен! Послушай!
Сладких я спекла назуки,
Ты их скушай, бог с тобою.
И бери лошадку вместе
С переметною сумою!"
"Мать! Не проклинай Арсена,
Об одном я умоляю!"
И ответила старуха:
"Я тебя благословляю!
Ты, Арсен, берешь у сытых,
Отдаешь голодным людям.
Как такого бог обидит?
Как такого клясть мы будем?"
Чуть отъехал наш Арсена,
Запустил в хурджины руки.
Бурдючок в суме нашел он,
Сверху девять штук назуки,
А в другой суме довольно
Жареной домашней птицы,
И, коня в тени поставив,
Пировать Арсен садится.
Парня, ехавшего мимо,
Он радушно подзывает,
Два тумана парню дарит
И два слова поручает:
"Ты скажи в Тбилиси, друже,
Микитанам и сараджам,
Что, мол, видел я Арсена,
Убежал он из-под стражи.
У богатых отбирает,
Неимущих наделяет;
Сам он с плеч своих рубаху
Для раздетого снимает.
Как такого бог обидит?
Всяк его благословляет!"
Лошадь через две недели
Той старухе возвратил он.
За износ подков железных
Ей червонец подарил он.
Рада бедная старуха,
Умиляется и, плача,
Шлет ему благословенье:
"Дай господь тебе удачи!"
Он в Самадло у Филиппа
Лошадь отнял: "Не сердитесь!
Извините! Но сегодня
Вы с конем своим проститесь!
Я — беглец. Пешком далеко ль
По камням уйти смогу я!.. "
А у конюха спросил он:
"Где седло лежит и сбруя?"
"И седло коня и сбруя
В изголовье, под попоной…
Ох, убьет тебя, я вижу,
Этот конь неукрощенный!"
"Разве конь такой родился?
Или не Арсен я, что ли?"
На коня он сел, помчался
И исчез в пустынном поле.
Прискакал в Казах к татарам,
Поступил на службу к беку.
Да нельзя от отчей веры
Отказаться человеку.
И Арсен поехал дальше,
Путь в Сомхетию направил.
Перевалы и ущелья
За спиной своей оставил.
Он в Кизикию вернулся, —

Это жители узнали.
А подъехал к Бодбисхеви —
Двери все позапирали.
Там безбожная свершилась
Парсаданова измена.
Подгибаются от страха
Парсадановы колена.
Человека шлет он к братьям:
"Защитите от Арсена!
Ох, не будет мне пощады!.. "
Те Арсена обнимают:
"Пожалей! Помилуй брата!" —
Униженно умоляют.
"Нет! Покамест жив предатель,
Мира мне не даст создатель!"
Братья хитрые уловку
Тут придумали такую:
В месте самом неприглядном
Яму вырыли большую
И беднягу Парсадана
В эту яму посадили,
Яму досками накрыли
И землей запорошили.
Парсадан дохнуть боится
В яме, наглухо закрытой.
Двое суток караулил,
Не ложась, Арсен сердитый.
Как настало третье утро,
Он вздохнул, перекрестился:
"Я пятнадцать лет разбойник,
Но в крови не осквернился.
А теперь убийством кума
Погубить я должен душу!..
Кумушка! — сказал. — Не бойся!
Выходи ко мне, послушай:
Выпусти-ка Парсадана,
Я не сделаю худого:
Я прощу — во имя бога,
Ради мирони святого!
Не убью его, не трону,
Не пребуду с вами в злобе!
Осени вас божья милость,
Что покоится в Марткоби!"
В храм пришел Арсен в Марткоби.
Вдруг откуда ни возьмися
Появился там Сумбатов,
Землячок наш из Тбилиси,
И Сумбатов и Макаров,
Видно, вместе прискакали.
Там и жены их — княгини
С ними под руку гуляли.
А как кончилась обедня, —
Благодать ее над нами! —
Вышел наш Арсен и видит
Вдруг Сумбатова с гостями.
Радостно перекрестился:
"Эй ты, здравствуй! Ты старался
Погубить меня в Тбилиси?
Ну, теперь ты мне попался!
При народе добровольно
Сам ты снимешь эполеты!"
А княгиня говорила:
"Дорогой мой, сделай это,
Брось ему их поскорее!
Тут никто нам не поможет!
Это ведь Арсен-разбойник,
Он тебя зарезать может!
Заберет коня и дрожки,
Обездолит нас, проклятый.

И меня Арсен похитит, —
С чем останешься тогда ты?"
Он с шинелью эполеты
Сбросил, — лишь бы поскорее…
А Макаров отдал шашку
С темляком и портупеей.
Наш Арсен шинель накинул
И, как лань, мгновенно сгинул.
IV
Вот уж скоро две недели,
Как в Тонетах он гуляет,
Всех прохожих и проезжих
Он поит и угощает.
Миновало две недели,
Приезжает он в Тбилиси.
Парни стаей голубиной
Вкруг Арсена собрались.
"Помоги Арсену, боже,
Не спознаться век с бедою".
Он заходит к микитану,
Машут все ему рукою.
Деньги достает Арсена,
Говорит: "Со мной садитесь!
Братья! Коль убьют Арсену,
За душу его молитесь!"
То, что им он тут поведал,
Я врагу не пожелаю:
"Снилось нынче мне, что кровью
Бороду я омываю.
Чувствую: подходит гибель,
От кого — не все ль едино…
Иль татары мне изменят,
Иль убьют меня грузины.
Больше мне яиц пасхальных
Не держать своей рукою,
Если я убит не буду,
Сам покончу я с собою!"
"Что ж толкует наш Арсена?
Ведь его щадит и небо!
За пятнадцать лет разбоя
Он в крови повинен не был.
У богатых отнимает,
Неимущих наделяет:
Бедняка нагого встретит —
Чоху с плеч своих снимает".
Вот Арсена к Верхней Картли
Своего коня направил.
Как приехал он в Дигоми,
Всякий пить его заставил.
Налили бурдюк в дорогу,
Чтобы он тоску развеял.
Стал Арсена против Мцхета,
В Мухат-Гверди пир затеял.
На траву коня пустил он,
При дороге сел обедать.
А Георгий Кучатнели, —
Чтоб ему добра не ведать,
Да не снидет на злодея
Благодать святого духа, —
Едет мимо он Арсена,
С ним здоровается сухо:
"Будь здоров!" — "Ты тоже здравствуй!
Спешься, друг! Мириться станем!
Сядь со мной, Георгий, выпей,
Мать-отца твоих помянем!"
Стал браниться Кучатнели,
Мать-отца срамя обидно:
"Эх, бедняга ты, Арсена!
Потерял ты память, видно!

Как я буду пить, подумай?
Нынче — пятница страстная.
Да и деньги есть со мною, —
Сам бы мог купить вина я!"
Услыхал Арсена это
Да как хлопнет по колену:
"Пить со мной почел постыдным!
Где ж ты, мужество Арсены?"
Поднялся Арсена в гневе,
Весь как яростное пламя:
"Стой! Отдашь коня, Георгий,
Иль расстанешься с деньгами!"
На коня вскочил Арсена,
Закричал: "Готовься к бою!"
А Георгий: "Не из тех я,
Что ты голой брал рукою.
Я с лезгинами сражался, —
Сорок пуль в меня пустили,
Двадцать пуль в меня вогнали,
Да с коня не повалили!"
Тут разгневанный Арсена
Вырвал саблю. А на деле
Пожалел — плашмя ударил
Лошадь, а не Кучатнели.
В рукояти сталь сломалась,
Безоружным он остался.
"Здесь мое померкло солнце!
В пасть я гибели попался!
Проклят будь ковавший саблю,
Пусть он мучится в геенне!"
В этот миг отсек Георгий
Руку правую Арсене.
И упал с коня Арсена,
Полный горечи и гнева.
Но кинжал в мгновенье ока
Обнажил рукою левой,
Ляжку он пронзил убийце,
И, хоть очи мрак туманил,
У врага отсек он ухо
И щеку ему поранил:
"Хватит мне с тебя, Георгий!
Лекарь мне уж не поможет…
Горе матери несчастной!
Все погибло. Век мой прожит!"
Молодой лезгин в дороге
С Кучатнели был бессменно,
В спину он из пистолета
Насмерть поразил Арсена.
Пал Арсен, привстал немного,
Левой опершись рукою:
"Выслушай, Георгий, раз уж
Ты расправился со мною!
Я зарыл семьсот туманов
В Каспи, под большой скалою.
Бедным те раздай туманы!"
И умолк он бездыханный.
В Мцхете плач. Когда об этом
Люди мцхетские узнали —
Эти вброд переправлялись,
Те по мосту прибежали.
На большой паром положен
Был Арсен Одзелашвили,
Привезли его во Мцхета,
С почестью похоронили.
На его могильном камне
Надпись краткая хранится:
"Здесь был лучшим среди лучших
Там — бессмертьем осенится!"